

Раздел 3. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДИНАМИКИ МИРОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

УДК 327.3

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Д. В. Драгун

*Магистрант юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь
dragun.dim@yandex.ru*

Статья посвящена выявлению особенностей радикального исламизма в международном политическом процессе. В статье сформулирована авторская дефиниция термина «радикальный исламизм», установлено соотношение исламизма и радикального исламизма, рассмотрены место и роль Исламского государства в международном политическом процессе.

Ключевые слова: ислам; исламизм; Исламское государство; радикальный исламизм; религиозно-политический экстремизм; салафизм.

RADICAL ISLAMISM IN THE INTERNATIONAL POLITICAL PROCESS

D. V. Dragun

*Master student of the Faculty of Law, BSU, Minsk, Belarus
dragun.dim@yandex.ru*

The article is devoted to the identification of the features of radical Islamism in the international political process. Within the framework of the article, the author's definition of the term "radical Islamism" is formulated, the ratio of Islamism and radical Islamism is established, the place and role of the Islamic State in the international political process is considered.

Keywords: Islam; Islamism; Islamic State; radical Islamism; religious and political extremism; Salafism.

На современном этапе развития социума широкий размах обретают тенденции радикализации ислама и дальнейшей его трансформации в одну из форм религиозно-политического экстремизма – радикальный исламизм. Социально-экономические и политические проблемы, не подвергающиеся регулятивному воздействию, провоцируют недовольство отдельных групп людей и, в условиях высокой религиозности населения, канализируются в форме религиозно мотивированных идей и социальных практик, легитимирующих применение противоправного насилия для коренного преобразования политической системы.

Эндогенные факторы радикализации имманентно присущи исламскому вероучению. В частности, иджитihad, понимаемый как нормотворчество на основе Корана и Сунны, не имеет жесткой и единственно верной регламентации данными источниками мусульманского права, являясь результатом их интерпретации улемами. Поэтому каждый мусульманин обладает правом относиться критически к подобным суждениям, какой бы прогрессивный и рациональный заряд они не несли. В подобных условиях имманентно предполагаемые сомнения в истинности иджитihad могут быть разрешены в рамках институтов ислама единственным способом: обратившись к непререкаемым первоисточникам – Корану и практике функционирования уммы времен пророка Мухаммада и праведных халифов [5, с. 14-15].

В современной политической науке сложился ряд концептуальных подходов к осмыслению термина «исламизм». С точки зрения автора под исламизмом следует понимать совокупность идей и социальных практик, выработанных в рамках мусульманского дискурса в качестве реакции на постхристианское и/или секулярное влияние западной цивилизации.

При этом следует разделять термины «исламизм» как религиозно-политическую идеологию и «радикальный исламизм» как форму религиозно-политического экстремизма. Являясь частью исламизма, радикальный исламизм, по нашему мнению, представляет собой комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение насилия для коренного преобразования политической системы исходя из специфической интерпретации требований нормативного наследия ислама.

В современном политическом процессе генетической основой и идейным ядром радикального исламизма следует считать салафизм [6, с. 278], сторонники которого считают, что правоверный мусульманин должен руководствоваться только теми предписаниями, которые созданы в период жизни пророка Мухаммада.

С политологической точки зрения основные идеологемы радикального исламизма лежат в плоскости такфира и джихада. В салафитской традиции такфиру подлежат все, кто имеет извращенное миропредставление, отличное от салафитской интерпретации нормативных положений ислама – атеисты, последователи политеистических и иных авраамических религий, а также последователи иных течений ислама.

Джихад в рамках радикального ислама рассматривается исключительно как военные действия в «дар аль-харб» против кяфиров, главными среди которых выступают США и Израиль.

По мнению радикальных исламистов, современные исламские государства преследуют собственные партикулярные цели в ущерб общеисламским. В связи с этим приоритетной задачей исламизма в настоящее время выступает объединение мусульманских государств в рамках единого халифата.

Другой важной идеологемой радикального исламизма является отрицание демократии как противоречащей теории ислама. По мнению приверженцев радикального ислама, верховная власть принадлежит не людям, но Аллаху, что означает ограниченную возможность принятия законов людьми со стороны Шариата. Поэтому неограниченный круг лиц, участвующих в законодательном процессе прямо или косвенно, означает тиранию. Помимо того, западные модели демократии несут имманентную угрозу разрушения и подчинения умме и политическим институтам ислама [7, с. 69].

Радикальный исламизм является сравнительно молодым течением религиозно-политического экстремизма, возникающим в конце XIX – начале XX в. в качестве идейно-политической реакции на интервенцию европейских государств в ближневосточный регион. Можно выделить несколько этапов становления и развития радикального исламизма:

1. Конец XIX в. – середина 1930-х гг. – возникновение первых исламистских организаций;
2. Середина 1930-х – конец 1940-х гг. – популяризация исламистских идей на Ближнем Востоке;
3. 1950-е – 1973 гг. – стигматизация и радикализация исламизма;
4. 1973–1979 гг. – начало идейного возрождения радикального исламизма;
5. 1979–2001 гг. – «исламское возрождение» радикального исламизма, обретение им материально-ресурсной и кадровой базы, а также опыта ведения боевых действий;
6. 2001 г. – по настоящее время – открытая конфронтация радикального исламизма с «дар аль-харб».

Среди причин «исламского возрождения» и популяризации идей радикального исламизма следует назвать: особенности ислама как религии; идеологический вакуум в ближневосточном регионе; увеличение доли молодежи; рост городского населения, выражающего активное недовольство действующей политической системой; рост образованности исламского населения; рост богатства нефтедобывающих стран; геополитические характеристики ближневосточного региона [2, с. 29].

Непосредственной причиной радикализации широких слоев мусульманского населения Ближнего Востока, в первую очередь молодежи, является осознание ими вследствие популяризации и

распространения информационно-коммуникационных технологий глубокого разрыва в уровне собственного благосостояния по сравнению с развитыми странами «золотого миллиарда» [1, с. 85-86].

Ключевым актором современного политического процесса, объединяющим наиболее радикальные слои населения, остается Исламское государство – салафитская международная экстремистская религиозно-политическая организация, созданная в 2006 году в качестве одного из филиалов Аль-Каиды в Ираке.

Целью Исламского государства является создание халифата – теократического исламского государства, объединяющего на основе шариатского права всю мусульманскую умму. Первостепенным направлением деятельности Исламского государства выступает борьба со светскими и проявляющими недостаточную активность на мусульманском поприще квазирелигиозными режимами в ближневосточных государствах.

Идеологическая доктрина Исламского государства в полной мере воспроизводит «классические» положения радикального исламизма о такфире и джихаде, обосновывая посредством ссылок на Коран и Сунну военные действия в первую очередь против единоверцев-суннитов, не придерживающихся салафитской трактовки ислама. В частности, рядом специально выпущенных фетв установлено, что мусульманину запрещено иметь публичные или частные сношения с кяфирами; в любой форме воспринимать интеллектуальные достижения, возникшие вне салафитского течения ислама; искать прямые или косвенные оправдания действий кяфиров или отступников, под которыми понимаются режимы арабских государств, предоставивших свою территорию для военных сил США и стран Запада, а также подчиненные им улемы [4, с. 149-150].

В 2011 г. с началом вооруженного конфликта в Сирии Исламское государство присоединилось к антиасадовской оппозиции, вступив в конфронтацию с правительственными силами и захватив провинцию Ракка, ставшую ядром будущего халифата.

В августе 2014 г. боевики Исламского государства начали интервенцию в Ирак, раздираемый религиозными конфликтами между суннитскими слоями населения и шиитским руководством страны, и захватили ряд крупных населенных пунктов, в том числе Мосул. Население занятых территорий, представлявшее собой амальгаму из курдов, мусульман-шиитов, езидов, христиан, подверглось репрессиям по этническому и конфессиональному признакам. Позже террористическая группировка провозгласила на захваченных территориях «Халифат», руководителем которого был объявлен Абу Бакр аль-Багдади.

С провозглашением «халифата» Исламское государство получило широкую поддержку от ряда салафитских групп вне Сирии и Ирака: «Боко Харам» в Нигерии, «Ансар Байт аль-Макдис» в Египте, «Джунд аль-Хилафа» в Алжире, «Бригада Укба бин Нафи» в Тунисе, а также ряда радикальных исламистских организаций Северного Кавказа, Ливана, Ливии, которые официально поклялись верности аль-Багдади и получили статус филиалов («провинций») Исламского государства [7, с. 451-452].

Успехи Исламского государства сошли на нет к середине 2015 г., когда «халифат» ослаб в результате боевых действий на нескольких фронтах – с курдскими вооруженными силами при поддержке стран Запада, правительственными иракскими и сирийскими армиями при авиационной поддержке Воздушно-космических сил Российской Федерации. В результате продолжительных боевых действий к марту 2020 г. на 98% территорий, входивших в состав «халифата», была восстановлена законная власть. Тем не менее, в этих странах сохраняются очаги напряженности, позволяющие говорить о рисках активизации салафитского религиозно-политического экстремизма. В частности, по данным Института экономики и мира ответственность за 10 из 20 наиболее смертоносных террористических атак 2021 г. несет Исламское государство или его филиалы [8].

В связи с вышеизложенным, следует сформулировать факторы успеха Исламского государства, среди которых отмечаются:

- поддержка широких слоев местного суннитского населения, у которого сложился образ ИГ как пронародных религиозных революционеров;

- основной костяк вооруженных сил Исламского государства, состоящий из ветеранов джихадистского движения, имеющих опыт ведения боевых действий и идеологической борьбы, в обязанности которых входит тактическое и стратегическое обеспечение действий Исламского государства, а также рекрутинговые функции;

- экономическая независимость организации, достигнутая в результате захвата ресурсоемких нефтеносных провинций Ирака;

- идеологический «вакуум», возникший в радикально исламистской среде в результате ослабления «Аль-Каиды», что выступило благоприятным условием для привлечения в Исламское государство радикализированных кадров [3, с. 103].

Таким образом, радикальный исламизм представляет собой комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение насилия для коренного преобразования политической системы исходя из специфической интерпретации требований нормативного наследия ислама. Среди основных идеологем радикального ислама выделяются

такфир, джихад, объединение мусульманских государств в рамках единого халифата, неприятие демократии как противоречащей теории ислама. Ключевым актором международного политического процесса, объединяющим наиболее радикальные слои населения, остается Исламское государство.

Библиографические ссылки

1. *Вавилов А. И.* «Исламское государство»: идеология, структура, военно-политическая деятельность // *Междунар. аналитика.* 2016. № 3. С. 85-96.
2. *Гринин Л.Е.* Исламизм: история и современность // *История и современность.* 2019. № 2. С. 3-35.
3. *Громов В.Г., Шонин И. Г.* Возникновение «Исламского государства»: факторы успеха // *Философия права.* 2017. № 1. С. 100-104.
4. *Добаев И.П.* Радикализация ислама в современной России. М. : Социально-гуманитарные знания, 2014.
5. *Игнатенко А.А.* Ислам и политика : сб. ст. М. :Ин-т религии и политики, 2004.
6. *Исаков А.С.* Дискурс исламизма // *Дискурс-Пи.* 2017. № 3-4. С. 276-282.
7. *Нечитайло Д.А.* Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика : дис. д-ра полит.наук : 23.00.01; Ин-т востоковедения РАН. М., 2017.
8. 2022 global terrorism index. Measuring the impact of terrorism. Relief Web. – 2022. [Electronic resource]. URL: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2022>. (дата обращения: 20.03.2022).